

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ФРОНТИРА: АНАЛИЗ ДВУХ КЕЙСОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИЛЕЗИИ¹

Горецкий Пётр (а)

(а) Департамент Истории, Университет Калифорнии, Риверсайд, 6609 Humanities and Social Sciences, США. E-mail: gorecki@ucr.edu

Аннотация

Статья представляет собой дальнейшие попытки автора определить место средневековой Польши (и ее конкретных местностей, особенно Силезии) в концептуальном контексте Европы и ее основных частей – прежде всего, Восточно-Центральной (в последнее время называемой просто Центральной) Европы. Цель данной работы состоит в том, чтобы определить различные аспекты, в которых Польша, а также входящие в ее состав территории и местные районы могут пониматься как часть «фронтيرا». В 2008 г. теоретическая конструкция «фронтир» была неоднозначной – и, на мой взгляд, остается таковой и сегодня. На определенном уровне, весь этот макрорегион Европы рассматривается как часть большой европейской «фронтальной» зоны, периферийной к более раннему и старому европейскому «центру». Конкретные места внутри макрорегиона представляют собой комплекс более локализованных «центров» и «их собственных фронтиров». На местном уровне «фронтир» – это местность, характеризующаяся весьма специфическими явлениями, такими, как система власти, колонизация, землепользование, а также связанные с ними конфликты и травмы. Два кейса из Силезии XIII в. – конфликт из-за доходов от десятины между герцогом Генрихом I и епископом Вроцлавским Лаврентием и эпизоды расширения поселений и господства в Генриковском регионе – служат примером в этих разнообразных, многослойных значениях средневекового «фронтiera».

Ключевые слова

Польша, Силезия, средневековый фронтир, крестьяне, споры, десятина, поселения, колонизация, Генриков, Генриковский монастырь, Генриковская летопись, Вроцлавское епископство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Более ранние версии этой статьи были представлены в виде доклада на Annual Meeting of the Medieval Academy of America, Vancouver, April 3-5, 2008, а затем в виде публичной лекции на кафедре Истории Средних веков Центрально-Европейского Университета, Будапешт, апрель 17, 2008. Мы выражаем глубокую признательность всем, кто участвовал в этой дискуссии, но особую благодарность Janos Bak, Patrick Geary, Anthony Perron, and Paul Knoll. Печатная версия этой статьи впервые появилась в журнале *Russian History/Histoire Russe*, 35, Nos. 3-4 (Fall-Winter 2008), pp. 463-478. Мы особо благодарны издательству Brill Publishing за разрешение опубликовать русский перевод этой статьи в нашем журнале.

В начале марта 1226 года папа Гонорий III отправил письмо трем прелатам с поручением разрешить спор между князем Генрихом Бородатым Силезским и епископом Лаврентием из Вроцлава, епархии, включающей это княжество (Appelt, 1968–71, p. 191)¹. Все прелаты находились в Мейсенской епархии и графстве Марчер, расположенном к западу от Силезии. Двое были цистерцианскими аббатами, третий – настоятелем мейсенского собора.

Заявителем был князь. Суть жалобы заключалась в том, что епископ Лаврентий за последние десять лет изменил оценку десятины, уплаченную жителями Силезии. Год спустя судейский представитель² опубликовал обстоятельный отчет о компромиссном урегулировании этого спора (Appelt, 1968–71, no. 281, p. 207).

Жалоба князя Генриха касалась трех вопросов. Во-первых, «под предлогом пересмотра десятины» епископ добивался «взысканий, противоречащих обычаям земли, соблюдаемым соседними епископами», то есть нарушения местного законного, давно укоренившегося стандарта (no. 261, p. 191)³. Во-вторых, новые требования изменили обязательства, которые были оправданно возложены предшествующими епископами Вроцлава на несколько конкретных категорий людей, определяемых главным образом с точки зрения подчинения княжеской власти (Górecki, 1992, pp. 23–26, 75–101)⁴. Предшественники Лаврентия:

¹ Об этом конфликте см.: (Górecki, 1993, pp. 1–3, 97–102, 104–105, 121–123). Три прелата были назначены судьями-делегатами, то есть судебными представителями папы, обладающими властью разрешать церковный спор; См: (James, 1995, pp. 127–28, 139) (Morris, 1989, pp. 573–575) (Sweeney, 1989, pp. 26–52)

² Судейский делегат (лат. «iudices delegati») – специальный представитель папы, направленный для решения спора. Институт судейских делегатов появился в XII в. при папе Пасхалии II. (прим. переводчика).

³ "gravat indebitis exactionibus nomine decimarum contra terre consuetudinem quam observant episcopi convicini".

⁴ Несколько кратких замечаний здесь об этом населении, предназначенных специально для тех читателей журнала, которые, вероятно, знакомы с (возможными) аналогами этих категорий жителей Киевской Руси. Во-первых, за одним исключением, названия этих групп, отмеченные ниже, не могут быть переведены на русский язык. Этим исключением является переводимое на русский язык латинское слово *aratores* – «пахари». Этот перевод не является проблематичным в семантическом смысле: мы можем не знать о том, кто были араторы, об особенностях их деятельности или статуса и тому подобное, но мы знаем, что слово «аратор» вполне можно перевести как «пахарь относительно всех остальных названий на разговорном славянском наречии XII–XIII вв.. мы можем делать более или менее спекулятивные предположения об их возможных значениях или семантических производных таких слов. Например, *popraźnicy*, по-видимому, восходит к польскому слову, обозначающему сжигание, *strózones* – к польскому слову, обозначающему охрану, но построение доказательств на таких ассоциациях широко признано неадекватным и ненадежным; поэтому альтернативные способы анализа возможных значений обсуждаются авторами, приведенными ниже в п. 18. Одна из тем моей собственной ранней работы заключалась в том, чтобы выявить значения этих (и подобных) классификаций раннего польского сельского населения путем сравнения названий групп, применяемых ими для обозначения друг друга. См.: (Górecki, 1992, pp. 23–26, 75–101)

*полностью освободили от десятины некоторых рабов того же самого князя [servi eiusdem ducis], обычно называемых smardi, и получили несколько ... рабов этого состояния, [вместе] с определенным имуществом, в качестве компенсации за [упущенную] десятину; [все же]... епископ, тем не менее, требует и получает десятину от них, против справедливости, и создает трудности и неудобства для [князя] и его [народа] [sibi et suis]*¹(Appelt, 1968–71, no. 261, p. 191).

В своем документе, опубликованном в следующем году, судейский представитель добавил, что в их случае, даже без намека на то, что это было законно, «в результате злоупотребления вредным и древним обычаем некоторые люди [*homines*], обычно называемые *smardones, lazeki, strozones, popraznicy* [и] пахари [*aratores*], не платили десятину» при предшественниках Лаврентия² (no. 281 (1227), 207).

В-третьих, новые оценки оказали негативное демографическое воздействие. Они (якобы) препятствовали ожидаемому и продолжающемуся урегулированию. Епископ «так огорчил людей [*homines*], желавших заселить леса и другие необработанные места на границах княжества и возделывать их, что они с неохотой селятся и возделывают эти места». Более того: «из-за трудностей, выпавших на их долю, те [поселенцы], которые уже пришли возделывать [эти места], уезжают и переселяются в другие районы». Эти демографические результаты привели «к значительному ущербу князя, потому что, в результате, сами места остаются пустынными ... границы его княжества оказываются заняты, и иногда возникают серьезные конфликты между ним и соседней знатью, на земли которых переселились его поселенцы [*eius coloni*]»³ (no. 261 (1226), 191).

¹ "[P]redecessores episcopi memorati quibusdam servis eiusdem ducis qui smardi wlgariter appellantur decimas omnino reimserint decimarum recompensatione receptis, dictus episcopus nichilominus ab eis decimas contra iusticiam exigit et extorqueat alias multipliciter existens sibi et suis difficilis et molestus".

² "ex abusu prave consuetudinis et antiquate quidam homines wlgariter appellati smardones, lazaky, strozones, popraznici, aratores decimam non solvent".

³ "homines volentes in sui ducatus finibus nemora et alia loca inculta inhabitare ac deducere ad culturam adeo agravat ... quod non solum ad incolenda et excolenda loca ipsa dubitant convenire, verum etiam hii qui ex hiis ad aliqua iam convenerant excolenda ea propter difficultates quas eis ingerit deserentes ad alias se transferunt regiones in ipsius ducis non modicum detrimentum cum per hoc non solum loca ipsa deserta remaneant, sed etiam ducatus sui termini occupantur et inter ipsum et vicinos nobiles ad quorum terras eius coloni se transferunt graves interdum discordie oriantur".

Компромисс, достигнутый год спустя, повлек за собой крупные уступки со стороны епископа и со стороны князя, а также разработку подробной схемы уплаты десятины. Судейский представитель изложил эти результаты в трех отдельных пространных положениях.

Во-первых, епископ Лаврентий «обещал ... не требовать в будущем десятины от каштеляний Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец и Влень, кроме тех, которые до сих пор обыкновенно платили жители этих каштеляний»¹ (no. 281 (1227), 207). Судьи использовали эти пять населенных пунктов в качестве образца для краткого исследования, распределив соответствующее население по нескольким критериям:

От Кросно [десятина будет состоять] из трех мер [зерна, причитающегося] от [каждого] гайда [mansus]; и это у германцев. А поляки заплатят, как платили до сих пор. Из Бытома люди князя [homines ducis]... будут платить медом, как [они платили] до сих пор. Свободные [люди] и евреи, где бы они ни пахали [землю]... в каштелянии Бытома платят десятину в полном объеме. Из Жаганы и Болеславца церковь будет довольствоваться мёдом, [и] из Вленя – беличьими шкурками² (no. 281 (1227), 207).

Во-вторых, князь Генрих, со своей стороны, уступил епископу обязанности, которых он добивался от перечисленных категорий «людей» [homines]: *smardones, łazęki, strózones, poprażnicy* и пахарей. Это население он «принудил» «властью [своего] правления [potestate principatus]» к полной уплате десятины во благо мира [pro bono pacis]»³ (no. 281 (1227), 207).

В-третьих, три судьи изложили этот подробный план практики десятины. Вот оно, во всей его полноте:

Везде, где можно поселиться в лесу [ubicumque silva locata fuerit], между границами Госьтеня и границами Отмухува, [серебряный] феертон должен быть оплачен [десятиной] от [каждого] надела [mansus], и церковь должна быть довольна

¹ "episcopus ... non alias decimas de castellaturis ... Crosten, Bytom, Zagan, Bolezlauech, Wlen se de cetero promisit petiturum quam hucusque homines illarum castellaturarum solvere consueverunt".

² "De Crosten tres mensuras se manso et hoc in Teutonicis, Poloni vero solvant sicut hactenus solverunt. De Bytom nomine decime ab hominibus ducis mel solveretur sicut hucusque. Liberi ... et Iudei ubicumque in ... Bytomiensis castellatura araverint decimam solvent ex integro. De Zagan et Bolezlauech nomine decime etiam contenta erit ecclesia, de Wlen cuticulis asperiolinis".

³ "prefatus dux ad plenam solutionem decimarum pro bono pacis ipsos astrinxit potestate principatus".

этим. [От этого обязательства] освобождается [каждый] шестой надел, принадлежащий собственнику [locator¹]. ... Если какие-либо наделы из ... наделов локатора отходят от него путем продажи, подарка или какого-либо другого отчуждения: если кто-либо из владельцев недвижимости [domines fundi], которым [отчужденные наделы] начисляются, желает сделать их [отчужденные наделы] арендуемыми для себя, они [отчужденные наделы] должны заплатить фиертон [епископальной] церкви [Вроцлава], как и другие [устоявшиеся наделы]² (по. 281 (1227), 207).

Здесь два населенных пункта, Госьтень и Отмухув, не выделенные в указанном выше обследовании, в рамках которого обговаривались конкретные категории людей, а указывают регион, характеризующийся особым видом учета пахотных земель – наделов [mansii], объединенных в шестерки, – и соответствующий способ учета обязательств. Из наделов, каждый шестой принадлежит локатору – управляющему поселения, который пользуется свободой от уплаты налога на надел: десятины. Земельные единицы, оцениваемые таким образом, считаются находящимися под управлением лорда, то есть представляют собой имущество (fundi) конкретных лордов (domini). Итак, эта схема является очень показательной, на самом деле, это обычное, стандартизированное повторение планов и фактической практики немецкой колонизации в княжествах Пяста, которая начиналась в Силезии, хотя и в небольшом количестве в этом же десятилетии и которая непрерывно нарастала после этого на протяжении долгого XIII в. (Górecki, 1993, pp. 99, 102–04) (1992, pp. 193–194, 199–202, 212–221, 237–242) (2007, pp. 47–50).

Эти два документа интересны по нескольким причинам. И в том, и в другом документе подробно говорится о населении, сильно различающемся по статусу, этнической принадлежности и подчинению лордам. Кроме того, последний документ отражает еще одно различие, а именно, доходы, с которых причиталась десятина, и единицы (земли), на которые начислялась десятина. Все это указывает нам на более широкий предмет, лежащий в основе экономики,

¹ Locator, т.е. непосредственный владелец надела, который потом сдает его в аренду. (Прим. переводчика)

² «A terminis ... Gostensibus usque ad terminos Othomochouiensis ubicumque solva locata fuerit ferto de manso solvetur, et hoc contenta erit ecclesia excepto sexto manso vel ampliori qui cesserit locatori. ... [S]i aliqui mansi de dictis mansis locatoris vendicione, donatione vel aliqua alia alienatione a locatore recesserint ad quemcumque dominorum fundi devenerint, si eos censuales sibi facere voluerit solvant ecclesie fiertonem sicut ceteri».

социальной структуры и господства, симптомами которых являются, в некотором смысле, эти классификации. Не менее важно и то, что оформление этого конфликта, в котором в конечном итоге участвовала и папская канцелярия, лежащие в его основе предубеждения о польской практике, касающейся десятины, и особенностей ее разрешения, включая выбор для этой цели самих судебных представителей, – все это аспекты одного сложного примера действия средневекового канонического права. Я анализировал эти темы в предыдущей работе и использовал для этого эти два документа (1992, pp. 101–105, 107–108) (1993, pp. 99, 102–04). Теперь позвольте мне перейти к другой теме, поднятой этими двумя записями: средневековый фронтир (Bartlett & MacKay, 1989) (Abulafia & Berend, 2002) (Curta, 2005) (Górecki, 2007, pp. 2–3, 7).

По крайней мере, с тех пор, как Арчибальд Льюис обратился к этой теме более полвека назад, восток Центральной Европы рассматривался, прежде всего, как фрагмент «фронттира», опоясывающего континент (1958) (Burns, 1989) (Górecki, 2003). С помощью своего рода дедукции этот взгляд был применен к отдельным регионам и местностям в пределах данного макрорегиона. В результате, когда эта часть континента концептуализируется как «фронтир», она обычно рассматривается как монолитная и как подлежащая «закрытию», понимаемому с точки зрения переноса – населения, методов, институтов и культуры – из одного или нескольких европейских «центров» в этот макрорегион в целом и в его составные части. Но когда, в качестве отправной точки, «фронтир» Европы рассматривается с точки зрения этих составных частей, этот «фронтир», как явление, начинает выглядеть совершенно иначе. Отдельные места, области и местности не являются прямыми гомологами или микрокосмами какой-либо одной, очень крупномасштабной модели «фронттира» или его «закрытию» и т. п.. Наши два документа помогают нам уточнить значения средневекового фронттира с более локализованной и текстурированной точки зрения.

Но вернемся к той сетке из пяти «каштеляний», в которой судьи разместили затрагиваемое население. Все пространственные точки отсчета, используемые судьями – Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец, Влень, Госьтень и Отмухув – были сегментами фронттирной зоны Силезии. Пять «каштеляний» включали в себя, приблизительно по прямой линии север-юг, дальний западный край провинции; в то время как Госьтень и Отмухув составляли ось восток-запад вдоль сопоставимой зоны на юге (Kondracki, 1998, pp. 125, 148, 151, 156, 163, 167, 170–171, 177, 220–222, 225–226) (Górecki, 2007a, pp. 261–263

(maps 2–4)). Поэтому все сельские жители, которым епископ Лаврентий делал уступку, находились именно на границе Силезии. Вместе они составляли, о чем свидетельствуют их индивидуальные категории, население, «желающее жить в лесах и других необработанных местах» Силезии, но неспособное сделать это.

Дальний западный край Силезии, определяемый пятью «каштеляниями» – Кросно, Бытом, Жагань, Болеславец и Влень, – сам по себе представлял собой восточную часть более широкой зоны, протянувшейся с севера на юг и отделявшей две политики от относительно новых, находящихся под немецким господством владений, графств и епископств, расположенных к западу. Одним из них был Мейсен. Мейсен был местом и церковной вотчиной, откуда папа Гонорий набрал своих трех судейских представителей, которые впоследствии разрешили конфликт, как он и повелевал. Со своей стороны, епископ Лаврентий, вероятно, пытался внедрить в какой-то общий канонический стандарт законной практики десятины в период Четвертого Латеранского Собора (Górecki, 1993, pp. 7. 17–18, 53, 55, 93, 105–106, 112, 116)¹. Этот экуменический стандарт противоречил другому, хотя и не менее законному, а именно «обычаю страны, соблюдаемому соседними епископами» – предположительно, соратниками Лаврентия – суффраганами архиепископа Гнезнского².

Здесь мы имеем несколько совершенно различных, но точных значений фронта в региональном и локальном контексте: во-первых, это конкретная физическая территория, разделяющая политические единицы, составляющие (небольшую часть) Восточной Центральной Европы; во-вторых (когда мы радикально меняем геополитическую перспективу), это отдаленное пространство, в котором епископ Рима имел в своем распоряжении церковный персонал с целью распространения своего влияния еще дальше через это пространство и за его пределы; в-третьих, это местность для потенциального распространения нормативных, экуменических практик десятины – особенно установленная в самом этом пространстве одним из его епископов; и, в-четвертых, местность, где эта практика встретила успешное сопротивление, со ссылкой на другой, локально законный стандарт.

¹ Описание других примеров долгосрочного влияния Совета в других областях см.: (Jurek, 2009, p. 83).

² Архиепископство Гнезненское – старейшая католическая митрополия Польши. Была образована в 1000 г. и играла большую роль в истории страны. В этот период архиепископом Гнезским был Винцентий (1220–1232), назначению которого на пост архиепископа способствовал епископ Лаврентий и князь Генрих I Бородатый, хотя Рим был против этого назначения. (Прим. редактора)

Теперь вернемся к предполагаемому демографическому воздействию требований Лаврентия. Это воздействие проявлялось в нескольких направлениях, которые можно, по крайней мере аналитически, представить, как деятельность, направленную на трансформацию пространства. Как было показано, пункты назначения этих миграций представляли собой фронт в разных специфических смыслах этого слова. Во-первых, все они существовали в пределах одной большой зоны, которая, как мы видели, занимала самую западную часть княжества и епархии. Во-вторых, пункты назначения, в совокупности, были пространством, где ожидаемая миграция либо никогда не осуществилась, либо где-то она произошла, но впоследствии эти районы были оставлены. Но, возможно, самым интересным результатом является предполагаемое воздействие этой миграции, поскольку она переместилась в конечный пункт назначения – и конечную точку фронта – в те «другие регионы», куда «переселяются» пострадавшие поселенцы. Эти «другие районы» были явно расположены на краю или границах княжества Генриха: «в результате» этой конкретной миграции «границы княжества [Генриха] оказались заняты».

Здесь демографические последствия изображаются не как отсутствие или оставление поселений, а, наоборот, как своего рода перенаселенность. Этот избыток людей, очевидно, связан с властью: «Иногда возникают серьезные конфликты» между князем Генрихом и соседними феодалами, «на земли которых переселились поселенцы князя». Как уже говорилось, комплексная история миграции в буквальном смысле заканчивается на фронтире, понимаемом еще в другом смысле: внешний край эффективной княжеской власти, местность соперничества господства и зона расселения этого вездесущего мигрирующего населения, находящихся под властью «соседних феодалов».

Что касается сельского населения, то князь Генрих решительно и успешно сопротивлялся новым оценкам десятины епископа Лаврентия. Таким образом, как позднее сообщал Петр¹, Генрих был озабочен содействием миграции и новым поселениям в периферийных районах своего княжества. В целом колонизирующее население состояло из «свободных людей», «поляков», «немцев», «евреев», *локаторов* и, в более общих терминах, «поселенцев князя» или его «людей». В противоположность этому, те несколько категорий жителей, которых князь «принудил» к «полной уплате десятины» – и в отношении которых он присоединился к требованиям епископа –

¹ Автор «Генриковской книги» (прем. переводчика).

smardi, lazęki, strózones, poprażnicy, и «пахари», названные так по крайней мере в этих документах, – они не размещаются нигде конкретно: ни на краю герцогства, ни в его центре или в каких-то определенных местах. Колонизация выступает в качестве одного из критериев относительной важности – по крайней мере, с точки зрения князя – различных типов сельского населения, которые, как на снимке, «зафиксированы» для нас в 1226–27 гг..

Мы не располагаем точными знаниями и равнозначной информацией о значимости или особой важности отдельных категорий жителей, вошедших в оба этих списка¹. Одной из проблем является критическая неполнота документации. Например, дразнящее упоминание о «евреях», «пашущих землю», как об одном из колонизирующих народов, является, к сожалению, единственным упоминанием в документах о еврейских крестьянах, известное мне по княжествам Пястов (Gieysztor, 1986, pp. 15–21) (Wyrozumski, 1993, pp. 15, n. 10) (Górecki, 1993, pp. 99, 102). Сельское население, определяемое как «свободное» (*liberi*), используемое в качестве существительного, а не прилагательного, в значении «свободные люди», встречается в польских свидетельствах, но главным образом за пределами Силезии и, таким образом, за пределами правдоподобного объема представленных замечаний (Górecki, 1992, pp. 79, 102–103, 128–129, 140–141, 144, 154, 164, 166–170, 172–176, 180–181, 186–187). И так далее: та же проблема повторяется с другими категориями жителей, «зафиксированных» для нас, хотя бы вкратце, в этих записях.

Это подводит меня к «полякам» и «немцам», которые тоже появляются в 1227 г. среди крестьян-колонистов. По известным причинам, в течение долгого XIII в. «немцы» (*Teutonici*) стали самой важной колонизирующей группой в княжествах Пястов, особенно в Силезии. Но начиная с 1226 или 1227 г. этот исход не был столь уж неизбежен. Тем не менее, даже в этот ранний момент, немцы выделяются и становятся отличительными и важными элементом среди большего числа поселенцев двумя способами. Они упоминаются дважды: в каштелянии Кросно; и между Отмухувым и

¹ Общая и конкретная информация по этим группам излагается в: (Tymieniecki, 1959) (Buczek, 1974) (1975) (Tymieniecki, 1967) (1956) (Modzelewski, 1964) (1987, pp. 99–121, 207–230) (2000, pp. 118–128, 130–133, 136–147, 152–178, and the map supplement) (Górecki, 1992, pp. 3, 23–25, 67–108) (2007b, pp. 266–271) (2007, pp. 38–39, 44–46) (Curta, 2009, pp. 30–41). Одна из групп, *smardowie*, возможно, на уровне этимологии, схожа со смердами Руси, но трудно соотнести сходство этого слова с реалиями статуса и социального положения двух групп, обозначенных этим словом в документах. О трактовке другой Киевской кальки польской сельской категории такого рода – *czeladź* – см: (Свердлов, 1971, стр. 53–58).

Гошцинем. В этом последнем районе они представляли особую, эксклюзивную схему колонизации.

С другой стороны, что второе, менее важное население определяется, прежде всего, как подданное княжеской власти. Это особенно ярко выражено в отношении *смардов* – в документе их называют «рабами» князя – но это также является общей идентификацией совокупности групп, поскольку эти коллективные жертвы новых требований епископа Лаврентия идентифицируются как князь «и его [люди]» – *sui* – которые также, иначе называются *ego homines*, то есть людьми князя. Таким образом, это сельское население, наиболее четко определяемое как подданные княжеской власти – «люди» князя нескольких видов – вытесняется, с точки зрения князя, другим сельским населением, наиболее четко определяемым как недавние поселенцы и переселенцы.

На основании этих двух документов трудно соотнести фактическое население, перечисленное делегатом судей, – «немцев», «поляков», «свободных», «людей герцога», «евреев» – со множественностью значений или аспектов «фронта». Это один из тех моментов, когда эти значительные дедуктивные объяснения, которыми в конечном счете мы обязаны Арчибальду Льюису, пригодятся нам. Например, учитывая хорошо задокументированную миграцию немцев в княжества Пястов (и прежде всего в Силезию) в течение десятилетий после этого спора, мы могли бы легко предположить, что группа, особенно активная во внутренних миграциях, на которую жаловался князь Генрих, была «немцами». Если это так, то миграция немцев помещает этот спор в рамки «колонизации» европейских «фронтиров» несколькими «диаспорами», переселяющимися (прямо или в конечном счете) из какого-либо «основного» района или районов за его пределы¹.

Однако, на мой взгляд, такая широкая точка зрения, как правило, аксиоматически оставляет за кадром как ценные доказательства, так и альтернативные варианты объяснений. Проще говоря, нет никаких оснований предполагать, что по состоянию на 1226 или 1227 год категории населения, перечисленные вместе с немцами, не были (или, если на то пошло, они были) участниками демографической и политической динамики, на которую жаловался князь Генрих. Совсем другой источник передает нам несколько ярких образов именно таких

¹ Хотя его идеи несколько отличались от наших, но что касается «аристократии», моя концепция диаспоры напрямую восходит к (Bartlett, 1993, pp. 24–59). Большой вклад в проблему разовой «аристократической» миграции (в Барлеттовском смысле) можно встретить в (Jurek, 1998), обзор этой работы см. (Górecki, 2001, pp. 1059–1062).

отношений. Этим источником является нарративная история создания и обустройства цистерцианского монастыря в Генрикове, примерно в сорока километрах к югу от Вроцлава, составленная в 1268 г. или чуть позднее Петром – третьим настоятелем монастыря, незадолго до того ушедшим в отставку (Grodecki, 1949)¹. Еще будучи молодым монахом, Петр принимал участие в основании монастыря в 1227 году, но в некоторых частях своей истории он обращается к временам на несколько поколений отстоящим от до этой даты – вполне возможно, что даже к событиям, происшедшим в XII в., чтобы рассказать своим монахам историю этого места, людей и поселения в период трансформации. В этих разделах пред нами предстает локальный мир миграций, переселений и власти, что дает нам возможность более точно определить значение термина «фронтир».

Этот локальный мир занимал относительно узкое пространство, на самой границе территории, протянувшись на пятьдесят километров вдоль оси северо-восток – юго-запад. По состоянию на 1268 год конечными точками этой оси были два названных места: Генриков, расположенный на северо-востоке, и Шёнвальд, расположенный на юго-западе (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 118–121, 138–147) (Górecki, 2007a, pp. 101–105, 128–139, 263–264 (maps 4–5)). Генриков являлся фактическим местом монастыря. В течение своей долгой истории, поведанной нам Петром, Генриков был превращен, как выразился Петр, в единую «территорию» (или «надлежащее наследство») путем объединения более ранних, меньших владений (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 117–120) (Górecki, 1983, pp. 19–26) (1998, pp. 143–146). До этого объединения в этих владениях жило польское сельское население – местные крестьяне, проживавшие в различного типа поселениях – от деревень до (возможно) одиночных домохозяйств. Главное поселение существовало с самого раннего периода, до которого простиралась память аббата Петра. К началу 1220-х гг. значительная часть его населения потеряла землю, что позволило объединить Генриков в единое поместье.

В противоположность этому, в течение того же периода, пространство, которое впоследствии стало Шёнвальдом, было фронтальной зоной, простирающейся до «горной» области (*montana*) в предгорьях Судет – «Чешского леса», отделяющего Силезию от Богемии и возвышенности, называемой «Чешскими горами»; и одного

¹ Перепечатана с новым дополнительным введением под названием *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska* [The *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, or the Henryków Book*], (Matuszewski & Matuszewski, 1991). На английском см.: (Górecki, 2007a, стр. 91–202). Интересные дополнения можно найти в серии исследований (Grüger, 1978a) (1978b) (1977); более подробно см.: (Górecki, 2007).

участка *przesieka* – пояса леса, намеренно оставленного князьями Силезии в качестве вытянутой пограничной линии их княжества (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 138–147) (Górecki, 2007a, pp. 7, 67–68) (Kuhn, 1971, pp. 32–66). Между 1243 годом и временем аббатства Петра Шёнвальд и близлежащая горная местность привлекли интенсивное новое немецкое переселение, хотя если брать более ранний период его истории, здесь между 1221 и 1227 гг, по воспоминаниям Петра, жил лишь один единственный немецкий поселенец (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 134, 139, 147–148) (Górecki, 2007a, pp. 123–124, 129, 139–140, 222–223) (1998, pp. 142–145) (1993, p. 103) (1992, pp. 212–217). Таким образом, совершенно поразителен контраст в описании аббатом Петром двух географических пределов его локального мира: старого и относительно многочисленного польского поселения на северо-востоке и нового относительно разрозненного населения на юго-западе.

Я подчеркиваю слово «относительно», потому что Петр изобразил оба предела этого пространства – подчеркнуто включая его старую, давно заселенную – на тот момент – польскую часть, во всю оставшуюся лесистую и малонаселенную зону (Matuszewski & Matuszewski, 1991, pp. 120, 134, 144–147). Кроме этого, весь регион был местом для новых переселений, активно поддерживаемых князем Генрихом Бородатым, а до него – его отцом Болеславом Долговязым. Эти два «древних князя» «распределяли владения» (или «поместья») между «знатными и посредственными», а также и «крестьянами» (1991, pp. 134, 147). Эти общие утверждения трудно привязать к определенному пространству. В некоторых местах они, по-видимому, относятся ко всей Силезии; в других местах Пётр ссылается, более точно, на «район» или, альтернативно, «округ», «здесь» или на «территорию», включающую Генриков, и тому подобное. Как бы то ни было, Петр представляет место будущего монастыря и принадлежащие ему земли в терминах, соответствующих демографическим предположениям, изложенным в письме Гонория III от 1226 года. Пётр связал эти обобщения с десятками историй о конкретных местах и отдельных действующих лицах. Среди этого материала особенно интересны три примера, или три кейса. Два из них начались рано; во время правления Болеслава Долговязого, произошло то, что впоследствии стало «территорией» Генриков. Третий кейс имел место позже, при Генрихе Бородатом, в будущем Шёнвальде. Первыми двумя поселенцами были славяне по имени Богухвал (Boguchwał) и Гломб (Głób); третьим был немец-одиночка по

имени Менольд (1991, pp. 134, 139, 147–148) (Górecki, 2007a, pp. 123–124, 129, 139–140, 222–223) (1998, pp. 142–145) (1993, p. 103) (1992, pp. 212–217). «[К]огда князя ... Силезии раздавали наследства и поместья во многих местах знатным и посредственным», там жил «некий чех по имени Богухвал», который «служил ... князю Болеславу», и кому «этот князь дал ... достаточно земли для четырех волов»¹ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 147). Таким же образом: «[в] те дни, когда ... князь Болеслав ... раздавал землю крестьянам в разных местах, он дал лес одному своему крестьянину по имени Гломб»² (1991, p. 134). Чуть позже Генрих Бородатый, выбрав участок леса, расположенный «у подножья Чешской горы», решил «основать там деревню» и поручил эту задачу «Менольду, первому управляющему деревни», который, после этого «управлял этой деревней [*regebat hanc villicationem*] под властью князя» (1991, p. 139). Петр классифицировал этих троих по различным критериям. Он помнил статус Гломба как «собственного крестьянина» князя (*rusticus suus proprius*), и как еще одного «крестьянина», завербованного Болеславом – факт, подтвержденный рассказами Петра о других лицах, все с польскими именами, которые разделяли с Гломбом статус «княжеских крестьян»³ (1991, pp. 119–120). Богухвал, напротив, отмечен как «чех» (*Bohemus*) – несколько расплывчатый термин, так как может указывать в разных комбинациях на место происхождения, язык и этническую принадлежность⁴, и как «служивший» князю и получивший пашню, в некотором смысле, в связи с этой «службой». Менольд описан со ссылкой на управление – как «первый староста

¹ "[I]n diebus antiquis cum domini ... Silensiensis provincie duces diversis in locis nobilibus et mediocribus hereditates et predia distribuerent, erat quidam Boemus nomine Bogvalus. Hic servivit ... duci Bolezlao antiquo.... Hic idem dux dedit ... Bogwalo de terra ad quatuor boves".

² "[I]n diebus illis cum ... dux antiquus Bolezlao ... diversis in locis suis rusticis terram distribueret, dedit ... silvam cuidam rustico suo proprio Glambo nomine".

³ Истории других личностей – Żuk, Krzepisz, и Kołacz – см. (Górecki, 1983, pp. 21, 24–25) (1998, pp. 141–142).

⁴ О значениях понятия *Bohemus* см. (Jurek, 1998, pp. 14, 211, 315). С этой точки зрения, Юрек имплицитно поднимает некоторые более глубокие проблемы классификаций такого рода – поляки, богемцы, тевтонцы, иудеи. Но в нашем случае возникает дополнительный вопрос о том, могут ли вообще такие категории, выраженные на латыни XII - XIII вв., быть осмысленно описаны как «этнические» на современном языке? Моё понимание, исходя из польских свидетельств, заключается в том, что в одном смысле этого слова ответ утвердительный, и поэтому я использую его здесь. Что бы они ни имели в виду, такие классификации, используемые в свидетельствах, ясно различают то, что их пользователи считали разными народами; таким образом, они относятся к «народу», этносу в точном смысле этого слова. Критерии, лежащие в основе этой классификации, как они использовались в историческом прошлом или историками, – критерии, охватывающие язык, идеи общего происхождения, такие признаки, как одежда или причёска, сознательное чувство идентичности и тому подобное, – могут быть текучими, спорными и крайне неустойчивыми, но этот факт не делает саму классификацию – ни тогда, ни сегодня – нереальной, анахроничной или бессмысленной.

деревни» (*primus villicus*), и, опять же по отношению к князю, – как действующий «под руководством князя».

Каждое из этих трех начинаний имело свои последствия. В совокупности эти истории знакомят нас – на самом локальном (точнее, индивидуализированном) уровне – с теми переселениями, расчисткой земель, заселением, возделыванием земли и оставлением ее, которое так беспокоило князя Генриха в период 1226 г.. Что интересовало Петра в Богухвале, так это первоначальный размер и последующее расширение земель, предоставленных князем. Первоначальный дар «земли на четырех быков» говорил о богатстве одного богатого польского крестьянского хозяйства в начале XIII века (Górecki, 1992, pp. 78–80, 82–84, 93–94). Кроме того, Богухвал своевольно резко расширил это поместье. Он быстро «присвоил для себя в лесу своего округа» дополнительную площадь, протяженность которой Петр оценил, как имеющую «вполне достаточно [земли] для трех больших плугов»¹ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 147). В результате этого дополнительного захвата поместье Богухвала увеличилось примерно в семь раз². Первоначальная инициативная деятельность Богухвала была быстрым и успешным продвижением к позиции богатого землевладельца. Тем не менее, в этом качестве он был земледельцем; и его история заканчивается милой виньеткой, изображающей его и его жену, совместно перемалывающими зерно домашней ручной мельницей³ (1991, стр. 147–418) (Górecki, 2007a, стр. 139–140).

«Княжеский крестьянин» Гломб фактически расчистил, а не захватил землю. В лесу, который он получил, Гломб «был первым [человеком], кто расчистил место, которое сегодня называется Большой Луг, *Wielka Łąka* по-польски»⁴ (Matuszewski & Matuszewski, 1991, стр. 134). Петр не совсем конкретен относительно фактических ресурсов, используемых Гломбом – действительно ли это был луг или он представлял собой пахотную землю? Но он оставался там, по видимому, до конца своей жизни, и в этом же месте его сменилось

¹ "Bogwal Voemus usurpavit sibi in circuitu suo de nemore plenarie ad tria aratra magna".

² Эта цифра, по общему признанию, весьма гипотетична. Он основывается на двойном предположении, что площадь земли, оцениваемая в четыре быка, по крайней мере условно, эквивалентна половине площади, вспаханной одним большим (предположительно отвальным) плугом; и что два способа оценки площади земли, быки и плуги, хотя, возможно, косвенно, относятся к конкретным физическим ресурсам, в честь которых они названы. Я объясняю эти два предположения в (1992, pp. 49–50, 79–81, 84).

³ Эта знаменитая семейная сцена является эталоном для превосходного изучения «*Книги*», см. (Matuszewski, 1981), а также: (Stone, 1984, p. 46)

⁴ "Hic ... rusticus Glambo primo exstirpabat illum locum qui nunc dicitur Magnum Pratum, in polonico vero Vela Lanca".

одно поколение его «наследников». В последующем, третьем поколении выдающимся жителем Великого Луга был Квецик (Kwiesik) – «крестьянин», «сын сына упомянутого Гломба» и, примечательно, еще некто, кто «превзошел по силе других» жителей этого поселения¹(1991, стр. 134).

В тот период эта группа крестьян столкнулась с трудностями. Квецика и остальных «наследников ... притеснял» на Великом Лугу «дед некоего Мойко «Мojko)»² (1991, стр. 134). Петр не указывает, в чем была суть «притеснения» этого угнетателя, или потомка Мойко. Мойко служит здесь в качестве ориентира для того, чтобы пояснить, что пошло не так с поселением, основателем которого был Гломб. В следствии этого «притеснения» группа во главе с Квециком переселилась. Квецик и другие переселились на несколько километров на восток, в тот самый район, который впоследствии стал «территорией» Генрикова. «После того, как Квецик ... уехал со своими наследниками ...из Великого Луга, он основал деревню на том месте, где сегодня стоит Монастырская усадьба»³ (1991, стр. 134).

Некоторое время спустя на новом месте Квецик вновь столкнулся с ожесточенным сопротивлением. На этот раз эффект был сокрушительным. Петр вспоминал, что «в те дни, когда монастырь только что был основан», то есть между 1222 и 1228 гг., Квецик был полностью искалечен ударами меча и «чрезвычайно беден телом и вещами» (1991, стр. 134). В данном случае настоятель не приписывал насилие кому-либо конкретно, за исключением заявления, что у преступника или преступников были мечи и что он или они использовали их эффективно, чтобы полностью нарушить систему поселения. Последствия привели к длительному периоду инвалидности Квецика, длительному проживанию в монастыре и разговорам с монахами (несомненно, включая самого молодого Петра), как выразился Петр, о «древностях этого района» (Górecki, 1998, pp. 140–42, 144–145, 151). Эта долгая, заключительная фаза жизни Квецика повлекла за собой полный и окончательный отказ от деятельности, которой он и его предки занимались на протяжении многих поколений: расчистки земли, создания деревень и местного лидерства.

¹ «Inter heredes ... rustici Glambonis erat ... quidam rusticus ceteris potentia eminentior. ... Hic idem Quetick erat rusticus, filius filii prefati Glambonis».

² «Postmodum ... heredes eiusdem rustici ab avo cuiusdam Moyconis in illo loco oppressi transtulerant se ad montem ubi nunc pomerium iuxta curiam claustrum constituit».

³ «Quetick primo recedens cum suis heredibus de Magno ... Prato locavit villam ubi nunc curia claustrum constituit».

Привлечение на службу Менольда также было безуспешным – и на самом деле, закончилось довольно быстро. Петр вспомнил, что, хотя Менольд «управлял этой деревенской общиной под властью князя ... в течение шести лет, он достиг очень мало», и что вскоре после этого его участок леса вернулся к Генриху, который затем, в 1228 году, предоставил «этот лес... монастырю» (Matuszewski & Matuszewski, 1991, p. 139). Хотя Петр не сказал, что впоследствии случилось с Менольдом, он объяснил неудачу урегулирования в некоторых деталях. Эта конкретная попытка расширения поселения была сорвана именно той сложностью, с которой Гломб и Квецик столкнулись ранее и в других местах. Он был «сильно затруднен» в своих усилиях по вербовке новых людей «отцом [и дядей] графа Петра Петровицкого»¹ (1991, p. 139).

Здесь у нас есть еще одно свидетельство сопротивления расширению поселений – в данном случае двумя лицами, которых Петр идентифицировал не по своим именам, а по происхождению какой-то более поздней, неявно знакомой фигуры – в данном случае, графа Петра. По этому поводу аббат довольно много рассказал о двух преступниках и о характере их злодеяний.

«В старину», – вспоминал он, – земля здесь, у гор, была очень лесистая и почти совсем пустынная. ... И вот предки Петра, то есть его дядя и отец, прятались в этом лесу ... как разбойники, и очень редко или никогда не появлялись перед древними князьями. Посему, они применяли насилие к соседним беднякам, в свое удовольствие, как того хотели. Да будет известно, что из-за их жестокости в свою бытность древний князь по имени «Бородатый» не смог основать в этих лесах ни одной деревни (1991, pp. 144–145)².

Петр здесь представляет сопротивление двух братьев как часть более широкой модели геополитического давления, которое, в совокупности, полностью помешало созданию здесь поселений под властью князя. Здесь мы имеем дело с размытым, систематическим, но вполне точным образом проникновения на эту территорию, включающего, с одной стороны, князя и таких людей, как Менольд, а

¹ "quia inpedebatur valde a patre comitis Petri de Petrowiz et suo fratre".

² "Diebus antiquis ... erat terra ibi circa montana valde nemorosa et ... quasi omnino deserta. Unde predecessores Petri videlicet patruus suus et pater in nemore illo latitabant quasi quidam latrunculi et rarissime vel nunquam coram antiquibus ducibus apparebant. Unde exercuerunt in pauperes circumsedentes pro placito suo violentiam sicut voluerunt. Et sciendum quod dux antiquus cognomine Barbatus non poterat in illis silvis diebus suis propter eorum violentiam aliquam villam locare".

с другой – двух злых братьев. Таким образом, юго-западный край этого вытянутого пространства, определяющего владения и интересы монастыря, оказывается фронтиром в еще одном смысле: зоной политического и демографического противостояния.

Вернемся к папскому письму 1226 года. Конечно, сцена, на которую ссылается Петр, а именно то, что подразумевается под фразой «граница княжества», «оказалась занятой». Но «занятой» кем? И в каком смысле? Ответ труден, потому что Петр представляет эту сцену совершенно несимметричным языком. Одна сторона названа, другая безымянна. Одна сторона находится в указанном физическом пространстве, а другая ассоциируется с неопределенной открытой областью. Одна сторона связана с упорядоченной последовательностью действий, а другая – с глобальным отсутствием, а на самом деле, изменением порядка. Действительно, представление Петра о двух преступниках начинается с социальной и политической перестановки, обычных отношений и моделей подчинения. Он начинает с того, что указывает на то, чем два брата на самом деле занимались, поясняя, что они «прятались» и «очень редко или никогда не появлялись перед древними князьями» – интересный пример избегания как акта власти – избегание, которое явно и с большим успехом оспаривало способность князя, особенно в этом регионе, осуществлять свою волю.

И все же, несмотря на все эти дискурсивные различия, Петр представляет двух людей, находящихся по другую сторону политической пропасти, в качестве активных агентов – активных в отношении более крупных, также неуказанных, но, очевидно, существующих групп населения. Но против кого? Наиболее очевидно, что жертвы состояли из «соседних бедняков» (*pauperes circumsedentes*); Менольда; тех, кого бы Менольд ни завербовал переселиться на то место, которое он получил, если бы не эти набеги; и других, похожих на Менольда и его последователей – тех потенциальных поселенцев, которые в отсутствие набегов переехали бы в регион под княжеским господством, основали бы «деревни», которые князь Генрих хотел «основать» там, и набрал бы своих последователей.

Как и в случае с этими несколькими группами, определенными судебскими представителями с помощью ряда привычных местных терминов, люди поселились именно под княжеским господством – как «княжеские крестьяне» или, на недавно освоенный юго-запад, как «деревенские управляющие», действующие от княжеского «имени» – условно говоря, уязвимые. Чтобы высказать это иначе, когда

повествование о будущем Шёнвальде прочитывают в обратном направлении, угадывается, как аббат Пётр заполняет его, наполняет содержанием интригующий образ сдерживания или препятствия продвижения княжества в те многолюдные «границы», где, в результате этого и возник конфликт. Это дает нам еще один, близкий и фактурный взгляд на то, что для Генриха Бородатого, епископа Лаврентия, аббата Петра и, по-видимому, для других главных героев, с которыми они были связаны, мог значить средневековый фронтир.

Список литературы

- Abulafia, D., & Berend, N. (Eds.). (2002). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices*. Aldershot: Ashgate.
- Appelt, H. (Ed.). (1968–71). *Schlesisches Urkundenbuch, vol. 1*. Graz, Vienna, and Cologne: Hermann Böhlhaus Nachf.
- Archibald, L. (1958). The Closing of the Medieval Frontier, 1250–1350. *Speculum*(33), 475–483.
- Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350*. Princeton: Princeton University Press.
- Bartlett, R., & MacKay, A. (Eds.). (1989). *Medieval Frontier Societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Buczek, K. (1974). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(40), 50–105.
- Buczek, K. (1975). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(41), 1–79.
- Burns, R. I. (1989). The Significance of the Frontier in the Middle Ages. In R. Bartlett, & A. MacKay (Eds.), *Medieval Frontier Societies* (pp. 307–330). Oxford: Clarendon Press.
- Curta, F. (2005). Introduction. In F. Curta (Ed.), *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Studies in the Early Middle Ages. V. 12* (pp. 1–9). Turnhout: Brepols.
- Curta, F. (2009). The Archaeology of Early Medieval Service Settlements in Eastern Europe. In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 30–41). London: I.B. Tauris.
- Gieysztor, A. (1986). The Beginnings of Jewish Settlement in the Polish Lands. In C. Abramsky, M. Jachimczyk, & A. Polonsky (Eds.), *The Jews in Poland* (pp. 15–21). Oxford: Basil Blackwell.
- Górecki, P. (1983). Viator to Ascriptitius: Rural Economy, Lordship, and the Origins of Serfdom in Medieval Poland. *Slavic Review*(42), 14–35.

- Górecki, P. (1992). *Economy, Society, and Lordship in Medieval Poland, 1100–1250*. New York: Holmes and Meier.
- Górecki, P. (1993). *Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland, ca. 1100–1250*, *Transactions of the American Philosophical Society* 83.2. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Górecki, P. (1998). Communities of Legal Memory in Medieval Poland, c. 1200–1240. *Journal of Medieval History*(24), 127–154.
- Górecki, P. (2001). Review: Tomasz Jurek, *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. *Speculum*(76), 1059-1062.
- Górecki, P. (2003). "Tworzenie Europy" Roberta Bartletta w kontekście anglosaskich badań historycznych nad początkami i kształtowaniem się Europy». In R. Bartlett, *Tworzenie Europy. Podbój, kolonizacja i przemiany kulturowe, 950–1350* (G. Waluga, Trans., pp. 505–515). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Górecki, P. (2007). The Henryków Book and Its Contexts. In P. Górecki, *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155* (pp. 1–90). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007a). *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007b). Medieval Peasants and their World in Polish Historiography. In I. Alfonso (Ed.), *The Rural History of Medieval European Societies: Trends and Perspectives* (pp. 253–296). Turnhout: Brepols.
- Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga henrykowska. Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow*. Poznań and Wrocław: Instytut Zachodni.
- Grüger, H. (1977). Das Patronatsrecht von Heinrichau. *Cîteaux*(28), 26–47.
- Grüger, H. (1978a). *Heinrich Grüger: Heinrichau. Geschichte eines schlesischen Zisterzienserklosters, 1227–1977*. Cologne and Vienna: Böhlau Verlag.
- Grüger, H. (1978b). Das Volkstum der Bevölkerung in den Dörfern des Zisterzienserklosters Heinrichau im mittelschlesischen Vorgebirgslande vom 13.–15. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostforschung*(27), 241–261.
- James, A. (1995). *Brundage, Medieval Canon Law*. London: Longman.
- Jurek, T. (1998). *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Jurek, T. (2009). Matrimonium sub fide Judaica contractum: Were Mixed Christian-Jewish Marriages Possible in Late Medieval Poland? In P.

- Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 82–93). London: I.B. Tauris.
- Kondracki, J. (1998). *Geografia regionalna Polski*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kuhn, W. (1971). Der Löwenberger Hag und die Besiedlung der schlesischen Grenzwälder. In W. Kuhn, *Beiträge zur schlesischen Siedlungsgeschichte* (pp. 32–66). Munich: Delp.
- Matuszewski, J. (1981). *Najstarsze polskie zdanie prozaiczne. Zdanie henrykowskie i jego tło historyczne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Matuszewski, J., & Matuszewski, J. (Ред.). (1991). *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska*. Wrocław: Muzeum Archidiecezjalne we Wrocławiu.
- Modzelewski, K. (1964). La division autarchique du travail à l'échelle d'un état. L'organisation 'ministériale' en Pologne médiévale. *Annales*(19), 1125–1138.
- Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Modzelewski, K. (2000). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego, X–XIII wiek*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Morris, C. (1989). *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. Oxford: Clarendon Press.
- Stone, G. (1984). Honorific Pronominal Address in Polish Before 1600. *Oxford Slavonic Papers*(17), 45–56.
- Sweeney, J. R. (1989). Innocent III, Canon Law, and Papal Judges Delegate in Hungary. In *Popes, Teachers, and Canon Law in the Middle Ages*, eds. Sweeney and Stanley Chodorow, foreword by Stephan Kuttner (pp. 26–52). Ithaca: Cornell University Press.
- Tymieniecki, K. (1956). Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru joannitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studium z dziejów gospodarczych XII w. In K. Tymieniecki, *Pisma wybrane* (pp. 35–126). Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tymieniecki, K. (1959). *Smardowie polscy. Studium z dziejów społeczno-gospodarczych wczesnego średniowiecza*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Tymieniecki, K. (1967). «Łazęki». *Słownik Starożytności Słowiańskich*(3), pp. 113–114.

- Wyrozumski, J. (1993). The Jews in Medieval Poland. In J. B. Polonsky, & A. Link-Lenczowski (Eds.), *The Jews in Old Poland, 1000–1795* (pp. 13–22). London: I.B. Tauris.
- Свердлов, М. Б. (1971). Об общественной категории «челядь» в Древней Руси X–XII веков. В *«Проблемы истории феодальной России»*. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина (стр. 53–58). Ленинград: издательство Ленинградского университета.

AMBIGUITIES OF THE FRONTIER: TWO CASE STUDIES FROM MEDIEVAL SILESIA¹

Piotr Górecki (a)

(a) Department of History, University of California, Riverside, 6609 Humanities and Social Sciences,
USA. E-mail: gorecki@ucr.edu

Abstract

The article develops my long-term interest in locating medieval Poland (and its specific localities, especially Silesia) in the conceptual context of Europe and its major subdivisions – specifically East Central (more recently called simply Central), Europe. The aim is to specify the various senses in which Poland, and the places and local regions comprising it, can be understood to have been a part of a «frontier». In 2008, «frontier», as a construct, was ambiguous – and in my view remains so today. On one level, this entire macroregion of Europe is viewed as part of a large European «frontier» zone, peripheral to an earlier and older European «core». Specific places within the macroregion present a complex of more localized «cores» and their own «frontiers». Most locally, the «frontier» is a terrain of highly specific phenomena, such as lordship, colonization, land use – and, related to all of them, conflict and trauma. Two examples from thirteenth-century Silesia – a conflict over tithe revenues between Duke Henry I and Bishop Lawrence of Wrocław, and episodes of expansion of settlement and lordship in the Henryków region – serve as a case study in these varied, multilayered meanings of the medieval «frontier».

Keywords

Peasants, medieval frontier, tithes, settlement, colonization, dispute, Poland, Silesia, Henryków, Henryków Book, Henryków monastery, diocese of Wrocław

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Earlier versions of this article were delivered at the Annual Meeting of the Medieval Academy of America, Vancouver, April 3-5, 2008, and as a public lecture at the Department of Medieval Studies, Central European University, Budapest, April 17, 2008. Warm thanks are due to the discussants on both occasions, above all Janos Bak, Patrick Geary, Anthony Perron, and Paul Knoll. The original version appeared in *Russian History/Histoire Russe*, 35, Nos. 3-4 (Fall-Winter 2008), pp. 463-478. We thank Brill Publishing for the permission to publish this translation.

References

- Abulafia, D., & Berend, N. (Eds.). (2002). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices*. Aldershot: Ashgate.
- Appelt, H. (Ed.). (1968–71). *Schlesisches Urkundenbuch, vol. 1*. Graz, Vienna, and Cologne: Hermann Böhlhaus Nachf.
- Archibald, L. (1958). The Closing of the Medieval Frontier, 1250–1350. *Speculum*(33), 475–483.
- Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350*. Princeton: Princeton University Press.
- Bartlett, R., & MacKay, A. (Eds.). (1989). *Medieval Frontier Societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Buczek, K. (1974). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(40), 50–105.
- Buczek, K. (1975). O chłopach w Polsce piastowskiej. *Roczniki Historyczne*(41), 1–79.
- Burns, R. I. (1989). The Significance of the Frontier in the Middle Ages. In R. Bartlett, & A. MacKay (Eds.), *Medieval Frontier Societies* (pp. 307–330). Oxford: Clarendon Press.
- Curta, F. (2005). Introduction. In F. Curta (Ed.), *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Studies in the Early Middle Ages. V. 12* (pp. 1–9). Turnhout: Brepols.
- Curta, F. (2009). The Archaeology of Early Medieval Service Settlements in Eastern Europe. In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 30–41). London: I.B. Tauris.
- Gieysztor, A. (1986). The Beginnings of Jewish Settlement in the Polish Lands. In C. Abramsky, M. Jachimczyk, & A. Polonsky (Eds.), *The Jews in Poland* (pp. 15–21). Oxford: Basil Blackwell.
- Górecki, P. (1983). Viator to Ascriptitius: Rural Economy, Lordship, and the Origins of Serfdom in Medieval Poland. *Slavic Review*(42), 14–35.
- Górecki, P. (1992). *Economy, Society, and Lordship in Medieval Poland, 1100–1250*. New York: Holmes and Meier.
- Górecki, P. (1993). *Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland, ca. 1100–1250, Transactions of the American Philosophical Society* 83.2. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Górecki, P. (1998). Communities of Legal Memory in Medieval Poland, c. 1200–1240. *Journal of Medieval History*(24), 127–154.
- Górecki, P. (2001). Review: Tomasz Jurek, *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. *Speculum*(76), 1059–1062.

- Górecki, P. (2003). "Tworzenie Europy" Roberta Bartletta w kontekście anglosaskich badań historycznych nad początkami i kształtowaniem się Europy». In R. Bartlett, *Tworzenie Europy. Podbój, kolonizacja i przemiany kulturowe, 950–1350* (G. Waluga, Trans., pp. 505–515). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Górecki, P. (2007). The Henryków Book and Its Contexts. In P. Górecki, *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155* (pp. 1–90). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007a). *A Local Society in Transition: The Henryków Book and Related Documents, Studies and Texts 155*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Górecki, P. (2007b). Medieval Peasants and their World in Polish Historiography. In I. Alfonso (Ed.), *The Rural History of Medieval European Societies: Trends and Perspectives* (pp. 253–296). Turnhout: Brepols.
- Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga henrykowska. Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow*. Poznań and Wrocław: Instytut Zachodni.
- Grüger, H. (1977). Das Patronatsrecht von Heinrichau. *Cîteaux*(28), 26–47.
- Grüger, H. (1978a). *Heinrich Grüger: Heinrichau. Geschichte eines schlesischen Zisterzienserklosters, 1227–1977*. Cologne and Vienna: Böhlau Verlag.
- Grüger, H. (1978b). Das Volkstum der Bevölkerung in den Dörfern des Zisterzienserklosters Heinrichau im mittelschlesischen Vorgebirgslande vom 13.–15. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostforschung*(27), 241–261.
- James, A. (1995). *Brundage, Medieval Canon Law*. London: Longman.
- Jurek, T. (1998). *Obce rycerstwo na Śląsku do połowy XIV wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Jurek, T. (2009). Matrimonium sub fide Judaica contractum: Were Mixed Christian-Jewish Marriages Possible in Late Medieval Poland? In P. Górecki, & N. van Deusen (Eds.), *Central and Eastern Europe in the Middle Ages: A Cultural History* (pp. 82–93). London: I.B. Tauris.
- Kondracki, J. (1998). *Geografia regionalna Polski*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kuhn, W. (1971). Der Löwenberger Hag und die Besiedlung der schlesischen Grenzwälder. In W. Kuhn, *Beiträge zur schlesischen Siedlungsgeschichte* (pp. 32–66). Munich: Delp.

- Matuszewski, J. (1981). *Najstarsze polskie zdanie prozaiczne. Zdanie henrykowskie i jego tło historyczne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Matuszewski, J., & Matuszewski, J. (Ред.). (1991). *Liber Foundationis claustris sancte Marie Virginis in Heinrichow, czyli Księga henrykowska*. Wrocław: Muzeum Archidiecezjalne we Wrocławiu.
- Modzelewski, K. (1964). La division autarchique du travail à l'échelle d'un état. L'organisation 'ministériale' en Pologne médiévale. *Annales*(19), 1125–1138.
- Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Modzelewski, K. (2000). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego, X–XIII wiek*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Morris, C. (1989). *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. Oxford: Clarendon Press.
- Stone, G. (1984). Honorific Pronominal Address in Polish Before 1600. *Oxford Slavonic Papers*(17), 45–56.
- Sweeney, J. R. (1989). Innocent III, Canon Law, and Papal Judges Delegate in Hungary. In *Popes, Teachers, and Canon Law in the Middle Ages*, eds. Sweeney and Stanley Chodorow, foreword by Stephan Kuttner (pp. 26–52). Ithaca: Cornell University Press.
- Tymieniecki, K. (1956). Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru joannitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studium z dziejów gospodarczych XII w. In K. Tymieniecki, *Pisma wybrane* (pp. 35–126). Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tymieniecki, K. (1959). *Smardowie polscy. Studium z dziejów społeczno-gospodarczych wczesnego średniowiecza*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- Tymieniecki, K. (1967). «Łazęki». *Słownik Starożytności Słowiańskich*(3), pp. 113–114.
- Wyrozumski, J. (1993). The Jews in Medieval Poland. In J. B. Polonsky, & A. Link-Lenczowski (Eds.), *The Jews in Old Poland, 1000–1795* (pp. 13–22). London: I.B. Tauris.
- Sverdlov, M. B. (1971). On the public category "servants" in ancient Russia X – XII centuries. In *"Problems of the history of feudal Russia". Collection of articles for the 60th anniversary of prof. V.V. Mavrodina* (pp. 53–58). Leningrad: publishing house of Leningrad University.